
ОЛЬГА
ДАШКОВА
ТЫ. ТЕПЕРЬ.
Моя
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Ольга Дашкова

Ты. Теперь. Моя

«Автор»
2026

Дашкова О. В.

Ты. Теперь. Моя / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Меня всю жизнь считали вторым.Тенью брата. Запасным вариантом, о котором вспоминали, только когда первый был занят.Теперь я глава клана.И у меня есть месяц, чтобы взять то, что я хотел так долго, что успел возненавидеть себя за это.Невесту брата.Она смотрит на меня как на чудовище в дорогом костюме.Она права лишь наполовину.Думает, что может отказаться.Думает, что может продолжать меня ненавидеть.У тебя больше нет выбора, Вера.Ты. Теперь. Моя.И я сожгу любого, кто попробует это изменить.Криминал, вынужденный брак, невеста брата#Властный герой, готовый на всё.#Девушка, которая пока сама не знает, чего боится больше: его или собственного желания сдаться.

© Дашкова О. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вера 5
Глава 2. Марк 7
Глава 3. Вера 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Ольга Дашкова
Ты. Теперь. Моя

Глава 1. Вера

Дождь начался ровно в тот момент, когда гроб опустили в землю.

Будто небо тоже не знало, что делать с этой смертью – плакать или молчать, и выбрало первое, потому что второе было бы слишком похоже на равнодушие.

Кладбище Северовых находилось за городом, на холме, обсаженном старыми елями. Семейное место, куда чужих не хоронили. Меня туда пускали только потому, что три года я формально считалась частью этой семьи.

Невеста.

Формально – все еще невеста, потому что свадьбу не успели сыграть, а траур еще не закончился, чтобы официально расторгнуть помолвку. Мертвый жених – странный статус.

Никто не знает, как себя вести с вдовой, которая на самом деле не вдова, и я весь день ловила на себе быстрые, оценивающие взгляды, будто люди пытались решить, полагается мне сочувствие или нет.

Я стояла в третьем ряду, хотя по всем правилам этикета клана должна была стоять в первом, рядом с матерью Ильи. Но мать Ильи посмотрела на меня один раз, коротко, и я поняла без слов: не сегодня.

Сегодня – не место для невесты, которая не успела стать женой.

Черные зонты вокруг раскрылись почти одновременно, будто по команде – и только Марк стоял без зонта, позволяя дождю стекать по лицу и одежде, словно хотел, чтобы вода смыла с него что-то, чего не смыть было никаким другим способом.

Он стоял справа от гроба. Черный костюм сидел на нем идеально, будто не был сшит портным, а он родился в нем. Плечи расправлены, подбородок поднят, лицо как камень, вытесанный явно не для того, чтобы показывать то, что происходит под ним.

Только руки выдавали: пальцы сжимались и разжимались, казалось, что он держал что-то невидимое и боялся выронить.

Он ни разу не посмотрел на меня. За всю церемонию – ни разу. Я считала – раз, другой, третий, – искала его взгляд среди опущенных глаз и капель дождя и не находила. Как будто я стала прозрачной в тот момент, когда земля начала падать на крышку гроба.

Голос священника растворялся в шуме дождя, слова молитвы звучали привычно и оттого еще более пусто.

Я думала об Илье, но не о том, каким он был со мной – спокойным, сдержанным, вежливым, – мы были больше партнерами по соглашению, чем влюбленными.

А о том, каким он был до меня, каким я его почти не знала: мальчиком, который, по слухам, однажды прикрыл младшего брата перед отцом, взяв на себя чужую вину.

Странно было хоронить человека и понимать, что знала только половину его жизни.

Когда все закончилось, и люди потянулись к машинам под черными зонтами, толкая друг друга плечами в узком проходе между надгробиями, я подошла к Марку сама. Не потому что хотела. Потому что, если бы я не сказала это сейчас, оно осталось бы во мне ядом на месяцы.

– Ты знал, – сказала тихо, чтобы никто больше не услышал за шумом отъезжающих машин. – Ты знал, что встреча в порту – это ловушка. Илья говорил мне, что советовался с тобой перед тем, как поехать.

Марк наконец посмотрел на меня. Глаза серые, холодные, как небо над нами, но за холодом было что-то еще, что-то, чему я тогда не подобрала названия.

– Знал, – ответил ровно. Ни один мускул не дрогнул на его лице. – И уговаривал его не ехать. Три раза. В последний вечер мы кричали друг на друга так, что соседи вызвали охрану проверить, все ли в порядке в доме.

– Тогда почему он поехал?

– Потому что я – второй, – голос у него сорвался на долю секунды, единственный раз за весь разговор, и тут же снова выровнялся. – А вторых не слушают. Даже когда они правы.

Что-то в этой фразе резануло сильнее, чем я ожидала, будто под ровным тоном мелькнула на секунду совсем другая, незащищенная интонация. Но я не собиралась его жалеть. Не в этот день, не над этой могилой.

– Ты всегда был вторым, – сказала, глядя ему прямо в глаза, потому что это было единственное оружие, которое у меня осталось. – Даже сейчас. Даже стоя над его могилой, ты все еще думаешь о себе, а не о нем.

Развернулась, пошла к машине, не дожидаясь ответа. За спиной не раздалось ни звука. Ни оправдания, ни возражения. Только дождь, стучащий по крышке гроба, который уже почти полностью засыпали землей, и далекий гул моторов отъезжающих машин.

Всю дорогу домой я смотрела в окно, на размытые дождем поля за стеклом, и пыталась не думать о том, каким пустым выглядело лицо Марка, когда он произнес слово «второй». Пыталась и не могла.

Дома меня встретила тишина, отец был на совещании, экономка ушла пораньше, и весь этот огромный дом, обставленный так, будто в нем должны были жить целые поколения, а не одна семья из трех человек, казался особенно пустым в тот вечер.

Поднялась к себе, сняла мокрое от дождя черное платье, села на край кровати и долго смотрела на свои руки, будто ждала, что они подскажут мне, что делать дальше.

Я думала об Илье – не с той болью, которую полагалось бы чувствовать невесте, а с тихой, спокойной грустью, какую чувствуешь по человеку, которого уважала, но никогда по-настоящему не знала до конца.

Мы были помолвлены три года. За эти три года он ни разу не заставил мое сердце биться быстрее, ни разу не вызвал во мне того странного смятения, которое я почувствовала сегодня, стоя напротив его брата под дождем.

Мысль о Марке возвращалась снова и снова, против моей воли.

Не потому что я хотела о нем думать, я убеждала себя, что дело в злости, только в ней, а потому что за эти дни с момента гибели Ильи я не видела ни одного человека, который выглядел бы настолько раздавленным изнутри и настолько собранным снаружи одновременно.

Это сочетание пугало меня больше, чем что-либо другое в этот день.

Я не знала тогда, что через месяц буду обязана назвать этого человека мужем – и что фраза, брошенная мной у гроба, вернется ко мне совсем в другом смысле.

Когда я узнаю, что на самом деле значило для него все это время быть вторым.

Глава 2. Марк

Зал совета не менялся с тех пор, как я впервые вошел в него ребенком, держась за руку отца.

Тот же длинный стол орехового дерева, потемневший от времени, те же портреты предыдущих глав клана на стенах. Северовы смотрели друг на друга сквозь три поколения тяжелыми, одинаково недоверчивыми взглядами.

Совет собрался сразу после похорон, это раньше, чем положено по трауру, но раньше, чем начнется война, если промедлить еще дольше.

Восемь стариков за столом, каждый старше меня минимум втрое. Я сидел во главе – впервые в жизни. Кресло, в котором должен был сидеть Илья, показалось мне слишком большим, будто скроенным под кого-то, кого во мне пока не было.

За окном шел дождь. Тот же, что начался на похоронах и, видимо, не собирался заканчиваться, пока клан не решит свою судьбу.

– Клан не примет тебя без союза с Ковальскими, – сказал Гурам, старший из старейшин, тот, что знал еще моего деда и хоронил моего отца. Голос у него был сухой, лишенный всякой сентиментальности. – Соглашение было заключено на условии брака между главой клана и Верой Ковальской. Смерть Ильи не отменяет соглашение. Отменяет только имя жениха.

– Вы предлагаете жениться на невесте брата, – сказал я ровно, хотя внутри что-то дернулось так резко, что я едва не сбился с дыхания. Я держал руки на столе неподвижно – годы тренировки не позволяли им дрожать даже сейчас.

– Мы не предлагаем. Мы напоминаем устав, – Гурам посмотрел на меня внимательно, так смотрят на человека, проверяя, не солжет ли он в следующую секунду. – Отказ – это распад союза. А распад союза при живом Тортадзе, который только и ждет трещины между нашими семьями, чтобы вбить в нее клин, – это война через месяц. Ты этого хочешь в первую неделю своего правления, Марк?

Остальные семеро молчали, но их молчание было тяжелее любых слов, они уже все решили до того, как я вошел в эту комнату. Мне оставалось только согласиться или объявить войну собственной семье изнутри.

Я молчал. Смотрел на герб клана, вырезанный в центре стола. Дракон, обвивающий меч, вырезанный еще моим прадедом. Тот самый дракон, которого через три дня выжгут мне на плече, если совет утвердит меня главой – как выжигали каждому Северову со времен основания клана.

Думал не о войне. Не в первую секунду, по крайней мере.

Думал о том, что три года носил в себе то, чего не имел права чувствовать к невесте брата. Три года смотрел, как Илья держит ее за руку на приемах, как она смеется его шуткам.

Делала это вежливо, сдержанно, без того тепла, которое я так хотел увидеть обращенным к себе – и учился не смотреть слишком долго. Три года говорил себе, что это пройдет, если не давать себе воли думать об этом.

Оно не проходило.

Теперь у меня был месяц, чтобы жениться на девушке, которая час назад в лицо назвала меня трусом, стоящим над могилой брата и думающим только о себе.

Она не знала, насколько была права и насколько ошибалась одновременно.

– Хорошо, – голос прозвучал тверже, чем я себя чувствовал. – Я приму условие.

Гурам кивнул, будто и не сомневался в ответе – да он и не сомневался, ни секунды.

– Тогда через три дня – клеймо. Ритуал проведем в полнолуние, как заведено. И до конца месяца состоится свадьба, чтобы союз не успел пошатнуться.

Три дня. Затем – ритуал, который сделает меня главой формально, свяжет меня с кланом кровью и огнем. И тридцать дней, чтобы убедить девушку, ненавидящую меня по праву, встать рядом со мной перед всем кланом и произнести слова, в которые она не поверит ни на секунду.

Когда совет разошелся, я остался в зале один. Старики выходили молча, один за другим, кивая мне на прощание со сдержанной почтительностью, которую оказывают не человеку, а должности. Я это чувствовал кожей, и это было странное, неуютное ощущение, будто на меня надели костюм, который еще вчера принадлежал кому-то другому.

Подошел к окну. Дождь все еще шел, размывая очертания старых елей за стеклом. Отсюда, с третьего этажа родового дома, было видно почти весь город: огни в тумане, дороги, по которым недавно ехала домой Вера, не подозревая, что через несколько часов ее отец получит официальное уведомление совета.

Я думал об Илье не так, как полагалось бы думать о погибшем брате.

Не с чистой скорбью, а со смесью скорби и вины – настолько плотной, что иногда я не мог отличить одно от другого. Он всегда был первым – первым сыном, первым наследником, первым, кому доставалось внимание отца и уважение клана.

Я вырос в его тени и научился находить в этом свое преимущество: пока все смотрели на Илью, я мог оставаться незамеченным, наблюдать, учиться, копить то знание о клане и его слабостях, которое однажды пригодилось бы.

Я просто не думал, что оно пригодится вот так – потому что брата больше нет, а я теперь буду сидеть в его кресле.

Смотрел на пустое кресло, где раньше сидел отец, потом брат. Дерево было тем же, годы не изменили ни узора, ни тяжелых деревянных подлокотников, отполированных ладонями трех поколений Северовых.

Подумал о том, что унаследовал не только власть, но и вину за то, что хотел то, что никогда не должно было принадлежать мне, еще при жизни брата, задолго до похорон.

Дана нашла меня там час спустя. Экономка, которая знала меня дольше, чем кто-либо в этом доме, кроме, пожалуй, стен.

– Совет решил, – сказала она, не спрашивая, а утверждая, потому что новости в этом доме расходились быстрее, чем успевали произноситься вслух.

– Через месяц свадьба, – ответил я, не оборачиваясь от окна.

– С Верой.

Я не ответил. Дана слишком хорошо меня знала, чтобы требовать ответа на вопрос, который не был вопросом.

– Марк, – сказала она тихо, – ты три года умел не показывать, что чувствуешь. Сумеешь ли ты теперь научиться показывать это правильному человеку, а не прятать еще глубже?

Я не знал тогда, что для меня это никогда не было формальностью – и что дракон на моем плече, каким бы ни был через три дня, будет гореть не ради власти, а ради нее.

Глава 3. Вера

Отец сообщил мне новость за завтраком, словно речь шла о смене поставщика вина для ресторана, а не о моей жизни, целиком переписанной чужим решением.

Утро было серым, дождь за окном столовой все еще не прекратился со дня похорон – казалось, весь город промок насквозь и не может высохнуть. Экономка разлила кофе, и на секунду в комнате повисла та особая тишина, которая бывает перед тем, как кто-то скажет что-то, что изменит все.

– Совет утвердил условие, – сказал отец, не отрываясь от документов, которые читал за завтраком по многолетней привычке. – Ты выходишь замуж за Марка Северова до конца месяца.

Поставила чашку на блюдце слишком резко, фарфор звякнул громче, чем следовало, и экономка у буфета вздрогнула, будто звук напугал ее больше, чем меня саму.

– Я не вещь, которую передают по наследству вместе с креслом главы, – ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал, но внутри все кипело.

– Формально, – отец наконец посмотрел на меня поверх очков, в его взгляде не было ни капли сомнения в собственной правоте, – соглашение было заключено между кланами, а не между тобой и Ильей лично. Ты знала условия, когда мы подписывали союз три года назад, еще будучи студенткой.

– Я знала условия брака с Ильей. Не с его братом, которого едва знаю.

– Условие было – брак с главой клана Северовых. Кто именно занимает это кресло – вопрос второй, – голос отца звучал так спокойно, будто он объяснял ребенку таблицу умножения, а не мою судьбу. – Вера. Ты закончила университет три месяца назад с отличием, ты умная девочка, ты понимаешь, что стоит на кону, лучше многих в этом доме. Откажешься – и через месяц на улицах будут считать трупы. Твой, между прочим, тоже, потому что Тортадзе не станет разбираться, кто из Ковальских виноват в срыве союза.

Я молчала, глядя в окно на утренний сад, это было единственное место в этом доме, которое казалось настоящим, не декорацией для клановых переговоров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.